

УДК 903/904(470.32)(082)

ББК 63.4(2)я434

В61

*Печатается по решению редакционно-издательского совета  
и кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «ЛГПУ»*

Редакционная коллегия:

А. Н. Бессуднов (отв. редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук *О. В. Шаров*;  
кандидат исторических наук *М. В. Цыбин*

Юбилейное фото А. З. Винникова,

оформление обложки:

А. А. Припадчева, А. Ю. Колесниковой

*В оформлении обложки использованы изображения бронзовых находок  
с Маяцкого археологического комплекса и Белогорского городища*

**Верхнедонской** археологический сборник [Текст]. Выпуск 5 /  
В61 [отв. ред. А. Н. Бессуднов]. — Липецк : РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ»,  
2010. — 337 с. : ил.  
ISBN 978-5-88526-497-6

Предлагаемое издание посвящено 70-летию выдающегося учёного-археолога, крупнейшего специалиста по изучению славяно-русских и кочевнических древностей европейской лесостепи, доктору исторических наук, профессору Винникову Анатолию Захаровичу. В него вошли статьи и публикации как российских, так и зарубежных исследователей из академических и вузовских учреждений, благодаря усилиям которых впервые вводятся в научный оборот ранее неизвестные материалы, апробируются новые идеи. Многие из авторов свои работы посвящают анализу славяно-русских и кочевнических источников с археологических объектов лесостепной зоны Восточной Европы. Издание предназначено специалистам-археологам, историкам, учителям истории, искусствоведам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым нашей страны.

УДК 903/904(470.32)(082)

ББК 63.4(2)я434

ISBN 978-5-88526-497-6

© ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2010 г.

© ЛГНОО «АРХЕОЛОГ», 2010 г.

## НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ХРИСТИАНСТВА СРЕДИ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДОНЕЧЬЯ

© 2010 В. С. Аксёнов

*Харьковский исторический музей, Харьков*

Отрывочные данные письменных источников указывают на распространение среди населения Хазарского каганата во второй половине VIII — первой половине X вв., помимо язычества, которого придерживалась большая часть населения, таких мировых религий как христианство и мусульманство (Заходер, 1962. С. 165). На распространение среди салтовского населения Подонья христианской религии, помимо письменных источников (Гаркави, 1870. С. 218), указывает присутствие в ряде ямных и катакомбных захоронений крестовидных подвесок — выступающими своеобразными символами веры (Аксенов, 2003. С. 136—144, рис. 1; Аксенов, 2007. С. 205—206, рис. 1: 16, 17, 20—22). Последние исследования катакомбных захоронений у с. Верхний Салтов дали новый материал о распространении христианской религии среди аланского населения Хазарского каганата, проживающего в Подонье.

В 2009 году совместная археологическая экспедиция Харьковского исторического музея и Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина продолжала исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника. Работы велись на IV участке могильника, расположенном на восточных склонах Нетечинского оврага. Всего было исследовано пять катакомбных захоронений (№ 96—100) и одна заготовка под катакомбу, представленная только дромосом (№ 101). Из исследованных захоронений наибольший интерес вызывает катакомбное захоронение № 99, инвентарь которой может пролить свет на некоторые вопросы истории и культуры салтовского населения Подонья.

**Катакомба № 99.** Дромос катакомбы был ориентирован по склону оврага по линии восток — запад с незначительным отклонением восточного конца к югу (азимут 96°). На уровне обнаружения пятно дромоса имело булавовидную форму из-за

наличия хода повторного проникновения в погребальную камеру, расположенного в восточной части дромоса (Рис. 1: 1). Общая длина дромоса составляла 5,1 м. Длина не потревоженной перекопками западной части дромоса равнялась 2,9 м, при ширине — 0,42—0,54 м. Ход повторного проникновения в камеру на уровне зачистки имел форму овала размером 2,2×1,16 м. Заполнение хода повторного проникновения в погребальную камеру было неоднородным. Оно состояло из слоёв грунта разного состава: чернозем, перемешанный с большим или меньшим количеством светло-желтой и темно-красной материковой глины; материковая глина с незначительной примесью темного грунта. Слои заполнения хода повторного проникновения в камеру чередовались между собой, создавая полосчатую структуру и имели наклон в сторону входа в камеру. Заполнение нетронутой части дромоса было однородным и состояло из светло-желтой материковой глины с включениями мелких известковых конкреций белого цвета.

В заполнении, как нетронутой части дромоса, так и хода повторного проникновения неоднократно встречались фрагменты керамики и обломки костей крупного рогатого скота. Обнаруженные в дромосе катакомбы фрагменты керамики принадлежали трём сосудам: сероглиняной столовой корчаге (5 фрагментов придонной части, стенок, венчика), кухонному горшку (4 фрагмента), чернолощеному столовому сосуду (1 фрагмент). На дне хода повторного проникновения (в 0,85 м от арочного входа в камеру и 0,35 м от дна дромоса) был найден серебряный перстень со вставкой из зелёного стекла (Рис. 2: 23).

Дно дромоса — комбинированное (Рис. 1: 1). В начальной части дромоса было выявлено семь ступенек, от последней ступеньки дно дромоса полого (под углом 3—5°) спускалось ко входу в по-

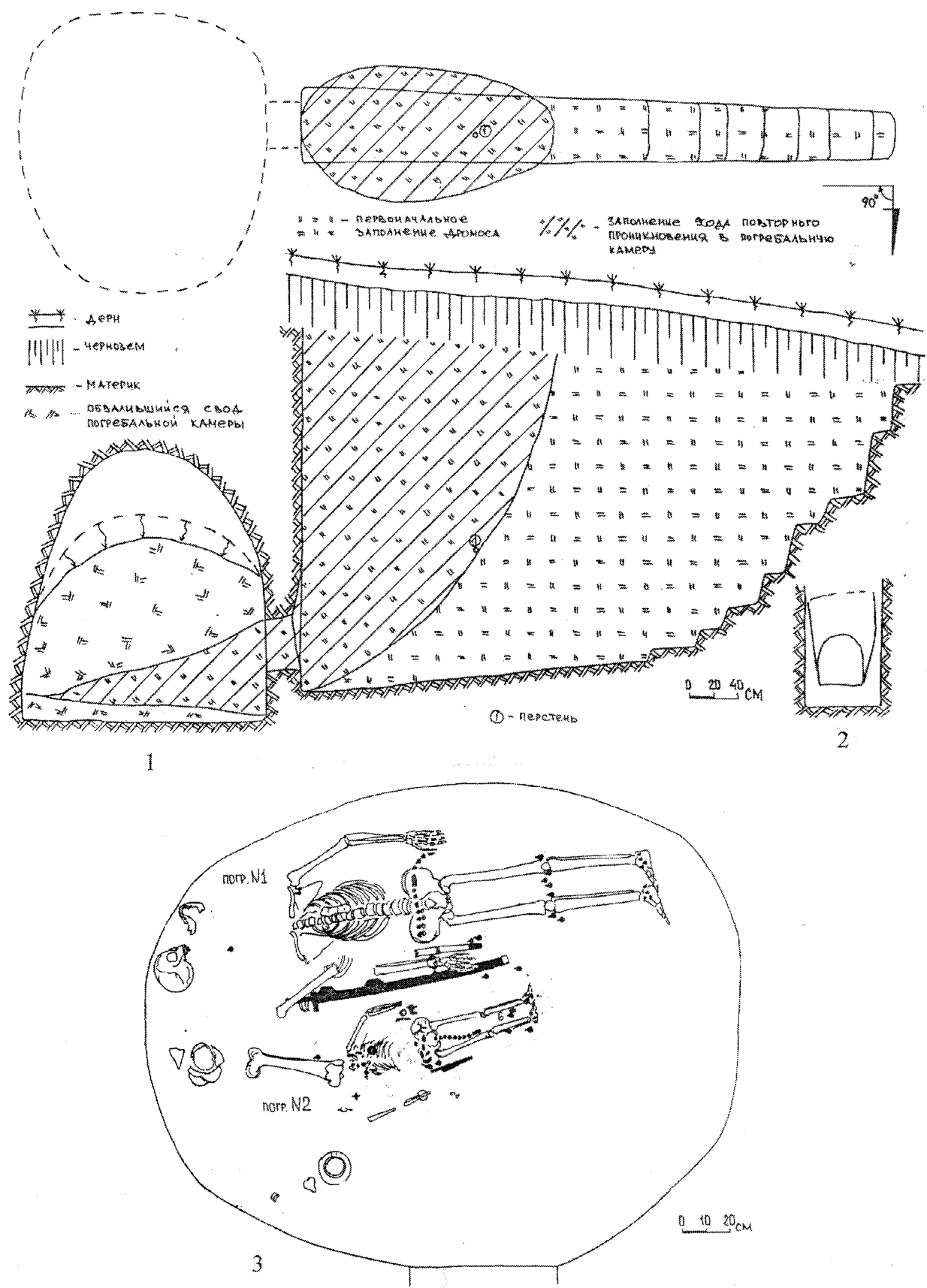


Рис. 1. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника. 1 — план катакомбы, 2 — вход в погребальную камеру, 3 — план погребальной камеры.

гребальную камеру. Ступеньки имели ширину от 0,2 до 0,42 м, высота их колебалась от 0,14 до 0,57 м. Глубина дромоса у входа в погребальную камеру составляла 3,6 м.

В восточной торцевой стенке дромоса был выявлен вход в камеру (Рис. 1: 2). Вход в камеру был арковидной формы, высотой 0,42 м. Его ширина составляла 0,38 м при ширине дромоса в этом месте 0,63 м. Дно арочного входа не совпадало с дном дромоса, и было поднято относительно последнего на 0,2 м. Длина (глубина) входа-коридорчика равнялась 0,3 м.

Камера поперечная, в плане овальная, асимметричная (Рис. 1: 3). Её размеры — 2,5 м х 2,12 м. Свод камеры начал обваливаться ещё в древности, перекрывая костяки в скором времени после совершения захоронений (под линзой наплыва из дромоса прослеживалась небольшая прослойка, идентичная грунту материкового свода). Первоначальная высота камеры составляла около 1,6 м. Вход-коридорчик заканчивался ступенькой: дно камеры было углублено относительно дна входа на 0,45 м, а относительно дна дромоса — на 0,25 м.

В погребальной камере были обнаружены останки двоих погребённых (мужчина возрастом 33—35 лет, ребёнок возрастом 5 лет) (Рис. 1: 3). Останки обоих погребённых несли на себе следы преднамеренного разрушения.

*Погребение № 1* принадлежало мужчине 33—35 лет (долихокран, рост около 170 см)\*. Умерший мужчина был уложен в вытянутом положении на спине вдоль дальней от входа стенки, головой влево от входа (Рис. 1: 3). Обе руки были вытянуты вдоль тела и слегка отведены от туловища: левая была незначительно согнута в локте, кости кисти находились возле крыла таза. Правая кисть частично покоилась на нижней части железной сабли (Рис. 2: 1). Со своего первоначального места была смещена правая плечевая кость. Под дистальным концом отброшенной плечевой кости лежало несколько рёбер, принадлежавших этому же погребённому. Сильнее всего в результате преднамеренного разрушения пострадал череп: он был отброшен к левой стенке. Череп лежал на левой височной кости, и был обращен лицевым отделом к стенке камеры. Нижняя челюсть была обнаружена перед лицевым отделом, в 0,1 м к востоку от черепа. При погребённом мужчине обнаружен следующий ин-

вентарь: возле эпифиза левой плечевой кости, по верх лопатки, лежала литая бронзовая пуговица и литой бронзовый бубенчик (Рис. 2: 4, 5). Ещё один литой бронзовый бубенчик найден посередине между черепом и костяком. Вторая пуговица (аналогичная первой) найдена в районе груди. Девять литых бронзовых бубенчиков (Рис. 2: 6—8) располагались в ряд перпендикулярно погребённому мужчине на уровне колен: скорее всего, ими был обшит подол длиннополой одежды. На костях таза хорошо прослеживались остатки поясного набора, представленные пряжкой (Рис. 2: 9), бляшками (Рис. 2: 10—12) и наконечником ремня (Рис. 2: 13). На костях правого предплечья был обнаружен бронзовый проволочный браслет. На костях стоп были фиксировались украшения ремней обуви в виде серебряных штампованных бляшек (9 экз.) и наконечников (12 экз.) (Рис. 2: 15, 16). К обувной гарнитуре относятся остатки трапециевидной пряжки из свинцово-оловянного сплава (Рис. 2: 14). Справа от погребённого, вдоль тела, лежала железная сабля в деревянных ножнах (Рис. 2: 1). Её рукоять лежала на уровне первоначального места расположения черепа, в 0,2 м к западу от него, а конец — на уровне середины бедра. Сабля лежала портупейными скобами к телу человека. На уровне правого крыла таза лежал набор ножей в одних ножнах (Рис. 2: 2, 3). В кассете было два ножа: один — длиной 29 см, другой — около 15 см. Оба конца ножен были окованы тонкими серебряными пластинами, такая же пластина перехватывала ножны посередине длины. Возле нижнего конца ножен лежали 2 литых бронзовых бубенчика (Рис. 2: 7), вероятно, украшавших ножны.

*Погребение № 2* — детское (отдельные краниометрические и одонтологические признаки указывают на принадлежность ребенка к смешанному европеоидно-монголоидному антропологическому типу). Ребёнок 5 лет был уложен в вытянутом положении на спине, головой влево от входа (Рис. 1: 3). Погребение располагалось по правую руку погребённого № 1, ближе ко входу в камеру. От вторичного проникновения в камеру данное захоронение пострадало значительно больше, чем мужское погребение. Так, у ребёнка отсутствовали кисти обеих рук, лучевая кости правой руки. Проксимальный конец локтевой кости правой руки смещён в сторону входа. Череп (в обломках) лежал под левой стенкой, в 0,5 м к северу от его первоначального места, тогда как зубы и остатки нижней челюсти были обнаружены на первоначальном месте — выше шейного отдела. На месте первоначального места — выше шейного отдела. На месте первоначального места — выше шейного отдела.

\* Определение здесь и далее сделаны В. Бондаренко, старшим научным сотрудником Музея природы Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, за что ему выражаю огромную благодарность.

чального места черепа лежал конец бедренной кости крупного рогатого скота — остатки мясной заупокойной пищи (бедренная кость коровы возрастом около 1—1,5 года). Длинные кости левой руки сохранились *in situ*: рука была слегка согнута в локте и отведена от туловища. Правая рука, судя по положению локтевой кости, находилась в таком же положении.

При погребённом ребенке было обнаружено большое количество инвентаря. У середины берцовых костей обеих ног прослеживалась неровная линия литых бубенчиков (10 шт.) (Рис. 3: 19—21) — их ряд располагался перпендикулярно к телу человека, очевидно, маркируя собой подол длиннополой одежды, обшитый бубенчиками. К элементам одежды относится пряжка-пуговица (Рис. 3: 10), которая была выявлена на левой половине грудной клетки. На костях ног прослеживались остатки украшений обуви в виде штампованных серебряных бляшек (6 экз.) (Рис. 3: 33, 34) и наконечников (4 экз.) (Рис. 3: 32). Поясной набор представлен фрагментом пряжки (Рис. 3: 35), серебряными штампованными бляшками (35 экз.) (Рис. 3: 36—39) и серебряным штампованным наконечником (Рис. 3: 40). Прослежено, что от таза пояс свисал до уровня колен, где заканчивался (в нескольких сантиметрах выше коленных суставов) наконечником ремня. При этом от таза до хвостовика на поясе были расположены 12 мелких сердцевидных бляшек (Рис. 3: 38, 39). В районе пояса также обнаружены следующие предметы: на правом крыле таза расчищен костяной клык с просверленным отверстием (Рис. 3: 13), рядом с ним лежал бронзовый амулет в виде клыка (Рис. 3: 4); на левом крыле таза прослеживались древесный тлен от деревянной коробочки, украшенной набитыми на неё тонкими бронзовыми пластинками (Рис. 3: 27—30); под левой безымянной тазовой костью обнаружена бронзовая литая подвеска в виде лошадки (Рис. 3: 14). Под крестцовыми костями были выявлены две положенные крестнакрест подвески-печатки (Рис. 3: 5, 6), к которым прикипели несколько бронзовых пронизей (Рис. 3: 7). На данных предметах сохранились отпечатки ткани с двух сторон: с одной — тонкого полотняного переплетения, с другой — рогожи (грубого полотна). Возле правого крыла таза, остриём к ногам, лежал железный нож с остатками деревянных ножен (Рис. 3: 42). Между ножом и тазовыми костями обнаружено два литых бубенчика (Рис. 3: 19), украшавшие ножны. На месте отсутствующей левой кисти было обнаружено костяное кольцо

(Рис. 3: 9) и ориентированная параллельно костяку ребенка бронзовая пронизь (Рис. 3: 8). Возле нижнего конца пронизи лежала бронзовая туалетная коробочка (Рис. 3: 16). На костях предплечья правой руки сохранился бронзовый проволочный браслет (Рис. 3: 15). Значительное скопление предметов фиксировалось в районе груди ребёнка. Тут были найдены две подвески в виде вертикально соединённых разнонаправленных полумесяцев (Рис. 3: 2, 3), 5 бусины (Рис. 3: 22—26), непонятное железное сильно корродированное изделие, включавшее в себя каменный предмет в виде полусферы с маленьким отверстием по центру (Рис. 3: 31), 2 бронзовые штампованные пуговицы (Рис. 3: 18), а также подвеска в виде круглой пластины с крупным отверстием по центру и мелкими отверстиями — вокруг крупного отверстия (Рис. 3: 11). В месте первоначального расположения черепа ребенка была обнаружена серебряная литая серьга (Рис. 3: 1), а в 0,04 м к югу от неё (ближе к грудной клетке) был фиксирован бронзовый литой крестик-тельник (Рис. 3: 12).

Кроме уже упомянутой кости крупного рогатого скота была выявлена часть коленного сустава крупного рогатого скота, лежавшая в левом ближнем от входа углу камеры. Рядом с ней стояла салтовская кружка (Рис. 2: 22), имевшая на дне клеймо в виде асимметричной пятилучевой звезды. Ближе к левому ближнему углу были найдены два астрагала (Рис. 3: 41).

Можно высказать некоторые предположения по поводу времени проникновения в камеру. Смещённая плечевая кость погребённого № 1 при нетронутых костях предплечья и лопатки, изъятая лучевая кость при нетронутой локтевой (на которой остался одетым браслет), фиксация всех зубов детского погребения на первоначальном месте при том, что черепная коробка найдена далеко от анатомического места, — всё это свидетельствует о том, что проникновение произошло, по-видимому, после полной скелетизации тел обоих погребённых. Ко времени проникновения свод камеры уже начал обваливаться, перекрывая костяки и способствуя их консервации. Эта линза грунта хорошо читалась под слоем наплыва, попавшего в камеру через оставшийся открытым после повторного проникновения арочный вход. Таким образом, срок между совершением захоронений и проникновением должен был составлять не менее 3—5 лет.

Основная часть инвентаря — пуговицы, бубенчики, браслеты, сережка, амулеты, перстень, наборы ножей, кружка, пронизи, бусы и т. п. — на-



Рис. 2. Инвентарь погребения № 1. 1 — сабля, 2, 3 — ножи, 4 — пуговица, 5—8 бубенчики, 9 — поясная пряжка, 10—12 — поясные бляшки, 13 — наконечник пояса, 14 — фрагменты пряжки от обувного ремешка, 15, 16 — бляшка и наконечник от обувных ремешков, 17 — браслет, 18 — рукоятка сабли, 19 — захват для пальцев, 20 — портупейная скоба, 21 — наконечник ножен сабли, 22 — кружка, 23 — перстень.

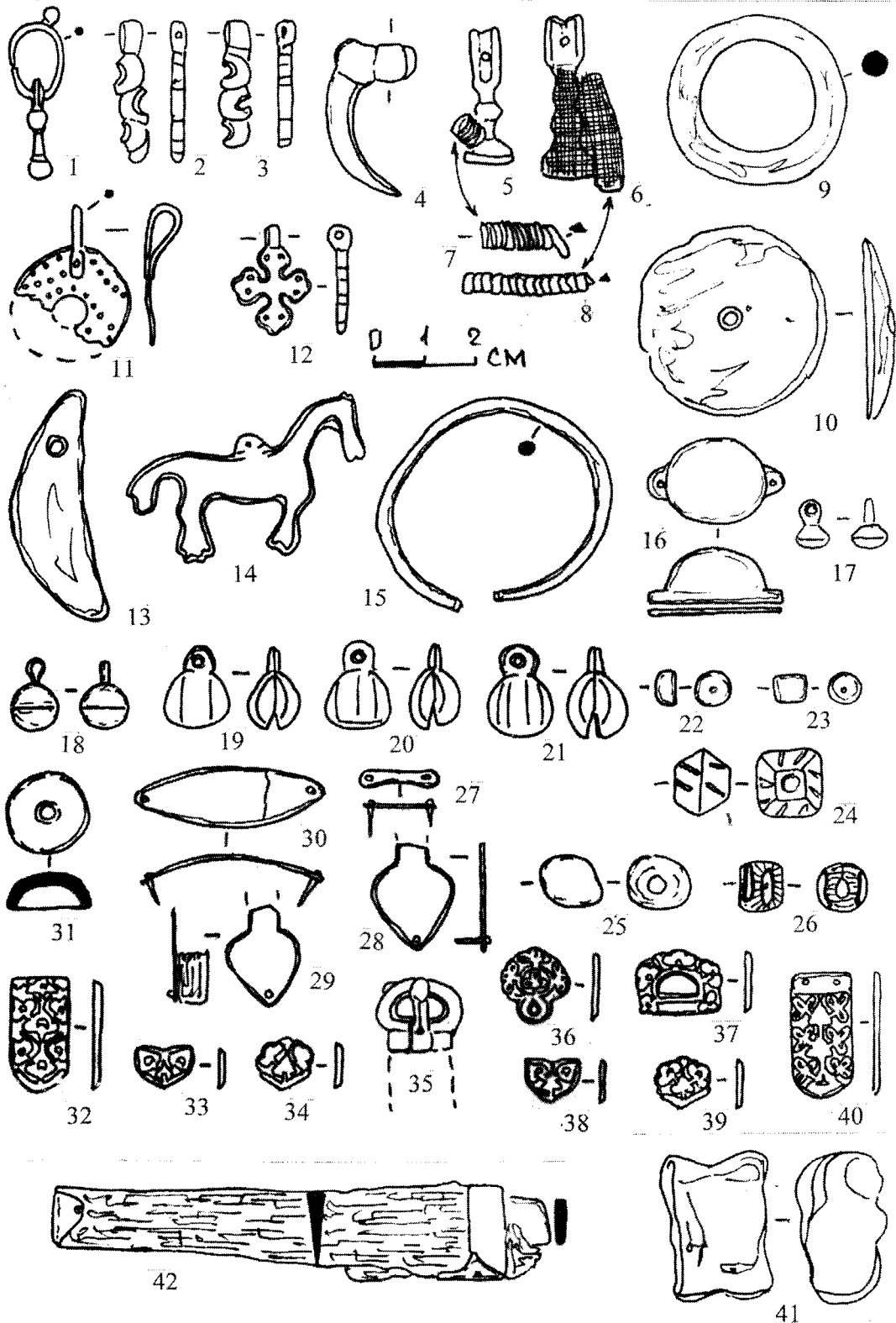


Рис. 3. Инвентарь погребения № 2. 1 — серьга, 2, 3 — амулеты, 4 — бронзовый амулет в виде когтя, 5, 6 — подвеска-печатка, 7, 8 — пронизи, 9 — костяное кольцо, 10 — пряжка-пуговица, 11 — подвеска-амулет, 12 — нательный крестик, 13 — амулет из клыка животного, 14 — амулет в виде лошадки, 15 — браслет, 16 — туалетная коробочка, 17, 18 — пуговица, 19—21 — бубенчики, 22—26 — бусы, 27—30 — бронзовые детали деревянной коробочки, 31 — ворворка, 32—34 — бляшки и наконечник от обувных ремешков, 35 — поясная пряжка, 36—39 — поясные бляшки, 40 — наконечник пояса, 41 — астрагал, 42 — нож.

ходят самые широкие аналогии в салтово-маяцких древностях бассейна Северского Донца.

Особого внимания заслуживает, обнаруженная в данной катакомбе сабля, сопровождавшая погребение мужчины-воина. Общая длина найденной сабли составляет 87 см (Рис. 2: 1). Клинок сабли при максимальной ширине 3,7 см и длине 72,5 см имеет кривизну 0,9—1,0 см. Толщина клинка равняется 0,6 см. Конец клинка на расстоянии 15 см раскован на два лезвия. Черенок рукояти выкован из одного куска металла вместе с клинком и имеет заметный наклон в сторону лезвия. Рассмотренная сабля по своим показателям относится к слабоизогнутым саблям так называемого хазарского или салтовского типа. Аналогичные клинки, датированные VIII—IX вв., достаточно хорошо представлены в салтовских древностях Подонцовья и Северного Кавказа (Винников, Афанасьев, 1991. Рис. 5: 1, 21: 8; Каминский, 1987. Рис. 3: 20; Кочкаров, 2008. С. 26, табл. VI; Крыганов, 1993. С. 53, рис. 1: 2). Перекрестие найденной сабли челнокообразной формы с шарообразными окончаниями на концах и ромбическим расширением посередине. Подобные перекрестия достаточно часто встречаются в материалах второй половины VIII—IX вв. из бассейна Северского Донца и Северо-Западного Предкавказья (Аксенов, Михеев, 2006. Рис. 40: 10, 62: 1; Кочкаров, 2008. С. 31, 32, табл. XVI).

На черенке сабли сохранились остатки дерева — следы деревянных накладок на ручку, к которым посредством заклепок было прикреплено железное навершие. Навершие представляет собой невысокий (до 1,4 см) металлический стаканчик (Рис. 2: 18). Он овальный в сечении, имеет округлое слегка выпуклое дно и снабжен двумя пластинчатыми «язычками» длиной 3,1 см, отходящими от середины длинных сторон навершия. Концы «язычков» округлые в плане, в середине их находится круглое отверстие, через которое навершие с помощью железных гвоздиков и крепится к деревянным накладкам ручки сабли. Подобные навершия, но изготовленные из бронзы или серебра, встречены в материалах салтовской культуры Подонцовья, в древностях XII—XIII вв. Северного Кавказа (Покровский, 1905. Табл. XX: 1; Кочкаров, 2008. С. 29, табл. XVI; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. VIII: 2; Zakharov, 1934. Abb. 6). На внутренней стороне рукояти сабли сохранились три литых бронзовых захвата для пальцев (Рис. 2: 19). Захваты для пальцев имеют листовое, слегка выгнутое наружу, основание овальной в плане формы. Основание захватов облегало рукоятку, и было при-

бито к ее деревянной основе двумя гвоздиками. Подобные захваты для пальцев, но изготовленные из серебра и украшенные гравированным орнаментом, присутствовали на рукояти сабли из катакомбы № 1 (раскопки 1911 г. В. А. Бабенко) (Zakharov, 1934. Abb. 6, 9: 2, 2a, 3, 3a), на сабле из погребения аланского дружинника IX в. у с. Учкеекен Малокарачаевского района Карачаево-Черкесии (Кузнецов, Рунич, 1974. С. 197, рис. 1: 1), на рукояти сабле из катакомбы V могильника у с. Кобан (Хайнрих, 1995. С. 248, табл. XLVI: 1). На внутренней стороне захватов для пальцев сохранились небольшие фрагменты кожи морского ската (*Trigon sephon*), которой была обтянута рукоятка сабли. Кожа морского ската была зафиксирована на рукоятке сабли из аланского захоронения у с. Учкеекен (Кузнецов, Рунич, 1974. С. 197, рис. 1: 1) и на ножнах сабли из катакомбы № 22 Верхне-Салтовского III могильника (раскопки 1992 г. В. Г. Бородулина)\*\*.

Сабля была положена в могилу в деревянных ножнах, от которых сохранились остатки дерева на клинке, две портупейные скобы и наконечник ножен (Рис. 2: 1). Наконечник ножен сабли представляет собой овальную в сечении железную трубочку-оковку в виде усеченной пирамиды с округлым донцем (Рис. 2: 21). Ее размеры: высота 2,0 см, ширина 3,9—4,3 см, ширина 2,0—2,4 см. Внутри наконечника ножен сохранилось остатки дерева от ножен сабли, в виде двух фрагментов дерева сегментовидной в сечении формы, соответствующих боковым планкам ножен сабли. Подобные наконечники ножен сабли известны в памятниках VIII—IX вв. как Подонья, так и Северного Кавказа (Кочкаров, 2008. С. 34, табл. XVI; Крыганов, 1989. Рис. 2: 3д). От ножен в данном погребении сохранились две портупейные скобы (Рис. 2: 20). Одна портупейная скоба располагалась у верхнего края ножен (у перекрестия сабли), вторая — на расстоянии 15 см от первой скобы. Обе портупейные скобы П-образные в сечении, в плане они имели С-овидную форму. Они изготовлены из железа, внутри зафиксирована деревянная пластина толщиной 6 мм, посередине которой у основания ножен сабли вставлена железная петля округлой формы диаметром 1,2—1,3 см, через которую продевался ремешок для подвешивания сабли к поясу. Длина портупейных скоб составляет 7,1 см (первой) и 6,7 см (второй), при высоте 2,6—2,7 см. Подобные

\*\* Определение сотрудника Государственного Эрмитажа А.И. Семенова, сделанное им в 1993 году при осмотре материалов данного захоронения в фондах Харьковского исторического музея.



С-видные портупейные скобы, изготовленные из железа или серебра, встречены в как салтовских катакомбных захоронениях Подонья, так и в кремационных погребениях данного региона (Аксёнов, 1999. Рис. 21: 6а; Zakharov, 1934. Abb. 6, 8). Известны подобные портупейные скобы на памятниках VIII—IX вв. Северо-Западного Предкавказья (Кантемиров, Дзатиаты, 1995. Табл. VIII: 3, 4; Кузнецов, Рунич, 1974. С. 199, рис. 1: 1, 2; Кочкаров, 2008. С. 33, табл. XVII; Хайнрих, 1995. С. 247, табл. XLV: 2).

Второй интересной находкой в данной катакомбе является, несомненно, бронзовый нательный крестик из захоронения ребенка (Рис. 3: 12). Нательный крестик отлит из бронзы. Он односторонний. Изделие имеет форму равноконечного креста с петелькой для подвешивания на одном из концов. Его размеры: высота с петелькой для подвешивания 2,2 см, ширина 1,6 см. Середина креста имеет едва заметные ромбовидные очертания. Концы креста оформлены в виде стилизованного трехлепесткового цветка или в виде трех соприкасающихся дисков, что сближает данное изделие с крестами трехлопастноконечного типа, которые неоднократно встречались на памятниках IX—XIII вв. Киевской Руси (Седов, 1982. С. 200, табл. XXVI: 30, с. 224, табл. I: 21, 22). Очертание концов найденного креста сближает его и с крестовидными подвесками так называемого «скандинавского» типа, датированных концом X / началом XI—XII вв. (Фехнер, 1968. С. 210, рис. 1). Некоторые новые находки позволяют датировать появление этого типа крестов на Руси более ранним временем — серединой — второй половиной X в. (Петрухин, Пушкина, 2009. С. 159).

Некоторые исследователи предполагают византийское происхождение крестов «скандинавского» типа, а местом производства подобных крестов на территории Юго-Восточной Европы — считают Крым (Petrukhin, Pushkina, 1997. P. 255). По-видимому, в качестве места изготовления крестика из катакомбы № 99 следует также считать Крымский полуостров, где на сегодня известно около восьмидесяти крестов, происходящих из погребальных памятников второй половины VI—IX вв. (Хайрединона, 2007. С. 151). В качестве отдаленной аналогии кресту из катакомбы № 99 можно назвать крест с фигурными концами из склепа 210 могильника Эски-Кермен, найденный с вещами второй половины VIII в. (Хайрединона, 2007. С. 167, 169, рис. 8: 10). Произведенными в крымских мастерских Э. А. Хайрединона склонна относить кресты,

представляющие собой дешевые, выполненные из бронзы копии византийских изделий из драгоценных металлов (Хайрединона, 2007. С. 170). Именно таким и является крестик из катакомбы № 99, тогда как подобные ему кресты «скандинавского» типа — все серебряные.

Обнаруженные в катакомбе детали поясной гарнитуры позволяют определить время создания данного комплекса. Поясной набор мужчины-воина состоял из поясной пряжки, 30 бляшек и наконечника. Поясная пряжка — литая, треугольно-рамчатая с гладким щитком пятиугольной формы (Рис. 2: 9). Сама бляшка отлита из бронзы. Сверху рамка и щиток пряжки плакированы листовым серебром, что должно было придать ей богатый вид. Поясные бляшки представлены тремя разновидностями: 1) бляшки с щитком подтреугольной формы, поле бляшек украшено растительным орнаментом в виде мирового дерева, состоящего из пяти бутонов лотоса на стебле (13 экз.) (Рис. 2: 10); 2) бляшки — псевдооправы прямоугольной формы, поле бляшек над имитацией прямоугольной петельки украшена растительным орнаментом из трех цветков лотоса (3 экз.) (Рис. 2: 11); 3) бляшки с щитком подтреугольной формы, в нижней части которого располагается петелька с подвижным кольцом, поле бляшек украшено растительным орнаментом из шести цветков лотоса (14 экз.) (Рис. 2: 12). Все бляшки штампованные из серебряной пластины, внутренняя часть бляшек заполнена светло-серой массой-основой (свинцово-оловянный сплав). Наконечник пояса штампованный, серебряный, состоит из двух вытянутых пластин с округлым нижним краем (Рис. 2: 13), пространство между которыми заполнено массой аналогичной массе на поясных бляшках. Лицевая сторона наконечника пояса украшена растительным орнаментом в виде мирового дерева, состоящего из поставленных один на другой четырех цветков лотоса. Все детали поясной гарнитуры находят широкие аналогии в салтовских древностях бассейна Северского Донца и датируются серединой IX в. (Комар, 1999. Табл. 4, с. 132). Этим же временем датируются серебряные штампованные бляшки сердцевидной формы (Рис. 2: 15) и наконечники от ремешков обуви (Рис. 2: 16), украшенные по полю растительным орнаментом из цветков лотоса.

Поясная гарнитура погребенного ребенка состояла из пряжки изготовленной из оловянно-свинцового сплава (Рис. 3: 35), серебряных штампованных бляшек сердцевидной формы (24 экз.) (Рис. 3:

38, 39), серебряных штампованных бляшек-оправ (3 экз.) (Рис. 3: 37), серебряных штампованных бляшек с имитацией петельки округлой формы в нижней части полукруглого щитка (11 экз.) (Рис. 3: 36) и серебряный штампованный наконечник пояса (Рис. 3: 40). Поле бляшек сердцевидной формы и бляшек-оправ украшено растительным орнаментом из цветков лотоса. Подобные бляшки наиболее характерны для салтовских комплексов середины IX века (III хронологический горизонт салтово-маяцкой культуры) (Комар, 1999. Табл. 4, с. 132). Основой же орнамента на наконечники пояса и бляшках с имитацией округлой петельки в нижней части щитка является цветок с тремя лепестками овальной формы. Композиции из подобных цветов представлены в основном на деталях поясной гарнитуры IV хронологического горизонта салтовской культуры (Комар, 1999. Табл. 4), датированных серединой — второй половиной IX в. Сочетание в детском поясном наборе бляшек с орнаментом характерным для III и IV хронологических горизонтов «классических» салтовских древностей, позволяет датировать данный поясной набор серединой — второй половиной IX в. Таким образом, катакомбу № 99 следует датировать этим временем.

Обнаружение в данном захоронении бронзового нательного креста свидетельствует, что в середине — во второй половине IX века часть аланского населения Северо-Западной Хазарии придерживалась христианской религии. Хотя при ребенке вместе с нательным крестиком был обнаружен достаточно представительный набор языческих аланских амулетов — бронзовая подвеска в виде когтя птицы, бронзовая подвеска в виде лошадки, подвеска из клыка животного, подвеска в виде плоского кольца с множеством отверстий — большая часть из них была подвешена к поясу. Символ же веры (нательный крест) располагался в наиболее значимом с мировоззренческой точки зрения месте — в области верхней части груди человека. В данном случае мы имеем дело со случаем хорошо представленном в древнерусских материалах так называемого периода «двоеверия», когда в языческую среду только начинают проникать элементы христианской религии, и что находит отражение в одновременном использовании и языческой, и христианской символики (Мильков, 1987. С. 246, ил. 37—39). О том же свидетельствуют крымские материалы VI—IX вв., где кресты носились в составе ожерелья, или в низке бус, вместе разнообразными с амулетами и подвесками (Хайредино-

ва, 2007. Рис. 10—14, с. 179). При этом крест не только обозначал принадлежность верующего к церкви, но и служил своеобразным оберегом, ибо часто в ожерельях присутствовало одновременно 2—4 креста (Мильков, 1987. Ил. 37; Седов, 1982. Табл. XLVII: 6; Хайрединова, 2007. Рис. 10: 2, 3; 11; 12: 1).

Данная находка пополняет коллекцию крестовидных подвесок, найденных в захоронениях Верхнее-Салтовского катакомбного могильника (катакомба № 15 ВСМ—III, № 30, 85 ВСМ—IV) (Аксенов, 2003. С. 140, рис. 3—5; Аксенов, 2007. С. 204, рис. 1: 16, 17, 19). Как и в других случаях (кат. № 15 и 30, погребения № 144, 159 могильника Червоная Гусаровка) крестик в катакомбе № 99 была найдена при детском костяке. Однако в рассматриваемой катакомбе он находился при костяке мальчика, тогда как в выше указанных комплексах крестовидные подвески входили в состав убора девочек. Крестовидными подвесками в катакомбе № 85 была украшена одежда женщины, они же входили в состав ожерелья (Аксенов, 2007. С. 205). По материалам Крыма кресты также носили, в основном, женщины и девочки (Хайрединова, 2007. С. 173).

Костяки детей, как и костяки взрослых, погребенных в указанных катакомбах с крестовидными подвесками, подверглись в древности обряду обезвреживания погребенных (Аксенов, 1998. С. 3, рис. 1: 1; Аксенов, 1998а. С. 218, рис. 1: 1; Аксенов, 2007. С. 203, рис. 1: 1). При этом детские костяки, зачастую, подвергались большему разрушению, чем взрослых индивидов, вне зависимости от места их нахождения в погребальной камере. Детское погребение в катакомбе № 99 от проникновения пострадало также значительно больше, чем захоронение мужчины-воина. Вероятно, преждевременная смерть детей рассматривалась их живыми родственниками как большая опасность для семьи, чем смерть взрослого индивида. При этом тот факт, что ребенок носил христианскую атрибутику — т. е. был христианином, по-видимому, не имел особого значения при проведении практикуемого аланским населением обряда обезвреживания погребенных людей.

Обнаружение очередного символа христианской веры на Верхне-Салтовском катакомбном могильнике позволяет по-новому взглянуть на такую специфическую особенность погребального обряда могильника как вытянутое положение женских костяков. В других аланских некрополях Подонья (Дмитриевском, Маяцком, Нижне-Лубян-

ском, Покровском и др.) женщин хоронили на боку или на спине, но с подогнутыми ногами (т. е. в «скорченном» положении) (Винников, Афанасьев, 1991. С. 37, 71; Плетнева, 1989. С. 187, 189; Флёров, 1993. С. 25). Г. Е. Афанасьев склонен объяснять это более высоким статусом женщин в Верхне-Салтовской общине, чем в других аланских общинах региона, принадлежность которых к тому или иному социальному рангу зависело от их происхождения, а не от их семейного положения, как это было, например, в Дмитриевской общине (Афанасьев, 1993. С. 50). Нам же представляется, что вытянутое положение женских костяков, учитывая присутствие среди погребального инвентаря женщин и детей Верхне-Салтовского могильника символов христианской веры, вероятно, следует объяснять влиянием христианства на погребальный обряд аланского населения данной общины. Немногочисленные находки символов христианской веры в захоронениях Верхнего Салтова этому не противоречат, ибо в эпоху раннего средневековья крест не все носили в повседневном костюме и не всегда клали в погребения (Хайрединова, 2007. С. 179). Поэтому крест из катакомбы № 99, как и другие крестовидные подвески из салтовских захоронений Подонья, следует рассматривать как свидетельство распространения христианства среди части аланского населения Северо-Западной Хазарии.

ЛИТЕРАТУРА:

- Аксенов В. С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // *Finno-Ugrica*. 1998. № 1 (2).
- Аксенов В. С. Исследования Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1997 г. // *Древности* 1997—1998. Харьков, 1998а.
- Аксенов В. С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца // *Хазарский альманах*. 2003. Т. 2.
- Аксенов В. С. Семантика крестовидных подвесок из катакомбы № 85 Верхне-Салтовского могильника // *Человек в истории и культуры*. Одесса — Терновка, 2007.
- Аксенов В. С. Поховання з конем другої половини VIII—IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників). Дис. канд. ... іст. наук. Харків, 1999.
- Аксенов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII—X вв. // *Хазарский альманах*. 2006. Т. 5.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. М., 1993.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.
- Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. М., 1962.
- Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // *СА*. 1987. № 4.
- Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г. Тарский катакомбный могильник VIII—IX вв. н. э. // *Аланы: история и культура*. Владикавказ, 1995.
- Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонт Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antiqua*. 1999. № 2.
- Кочкаров У. Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII—XIV вв. (оружие ближнего боя). М., 2008.
- Крыганов А. В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск, 1989.
- Крыганов А. В. Військово справа ранньосередньовічних аланів Подоння // *Археологія*. 1993. № 2.
- Кузнецов В. А., Рунич А. П. Погребение аланского дружинника IX в. // *СА*. 1974. № 3.
- Мильков В. В. Комментарии к иллюстрациям // *Введение христианства на Руси*. М., 1987.
- Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // *Archaeologia Abrahamica*. М., 2009.
- Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник // *Труды XII АС*. 1905. Т. 1.
- Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
- Фехнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // *Славяне и Русь*. М., 1968.
- Флёров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград, 1993.
- Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кубан (по материалам Венского Естественно-Исторического музея) // *Аланы: история и культура*. Владикавказ, 1995.
- Хайрединова Э. А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // *МАИЭТ*. 2007. Вып. XIII.
- Zakharov A. A. Beitrage zur Frage der turkische Kultur der Volkerwanderungszeit // *АН*. 1934. Т. XVI.
- Petrukhin V., Pushkina T. Old Russia: the earliest stages of Christianization // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum waren des 8—14 Jahrhunderts*. Stuttgart, 1997. Bd. 2.

**NEW DATA ON THE SPREAD OF CHRISTIANITY AMONG THE ALAN POPULATION OF THE  
SALTOVO-MAYAKI CULTURE OF PODONECHYE**

**Aksyenov V. S.**

**SUMMARY**

The article presents materials of catacomb 99, discovered in 2009 at the IV Catacomb burial at the settlement of Verhniy Saltiv in Volchansk district of Kharkov region by the joint expedition of the Kharkov Historical Museum and Kharkov National University named after V. N. Karazin. In the burial chamber of the catacomb a 33—35-year-old male warrior and a 5-year-old male child had been buried, whose backbones had signs of intentional ritual destruction. According to the tools the catacomb dates back to the middle — second half of the IX<sup>th</sup> century. The child's bronze baptismal cross is of interest as it clearly testifies the spread of Christianity among the Alan population of Northwestern Khazaria